

УДК 821.161.1

С.Ю. Баранов

Вологодский государственный университет

«ШТУКОВИНА ЭТА ЗАСЛУЖИВАЕТ РАБОТЫ» (Письма Ю.Г. Буртина и П.В. Палиевского о пьесе В.И. Белова «Не спи на закате»)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012- 00348 «Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова»*

Статья предваряет публикацию писем о недавно обнаруженной пьесе В.И. Белова «Не спи на закате» двух активных участников литературной и общественной жизни 1960–1970-х годов – Ю.Г. Буртина и П.В. Палиевского. В ней характеризуется историко-литературный контекст появления самой пьесы и откликов на нее представителей разных идейных течений.

В.И. Белов, Ю.Г. Буртин, «деревенская проза», замысел, интеллектуализм, критика, П.В. Палиевский, пьеса-притча, творческая индивидуальность, целостность произведения,

Обнаруженная два года назад в фондах Музея-квартиры В.И. Белова пьеса «Не спи на закате» дала повод для расширения и корректировки представлений о творческих исканиях писателя, а также об отношении к этим исканиям в той или иной мере близких ему по взглядам литераторов [2]. Творческая история произведения складывалась драматично: над этой пьесой, резко отличающейся по материалу от всего того, что было Беловым создано и до и после нее, он работал с увлечением и, как вспоминает его жена Ольга Сергеевна, «нравилось ему ее писать» (Там же, с. 54). Сохранившийся машинописный текст датирован маем 1969 года. До публикации дело тогда не дошло. Но в 1981 году Белов готовил к изданию сборник своих драматургических произведений и задумался о возможности включить в него и пьесу «Не спи на закате». Он передал рукопись московскому критику М.П. Лобанову, желая получить отклик, позволяющий разрешить его сомнения относительно художественной состоятельности и перспектив публикации пьесы. Отзыв Лобанова был отрицательным, и он настоятельно рекомендовал Белову отказаться от попыток писать в подобном роде, сохраняя верность выбранному ранее направлению «деревенской прозы» [1]. Вероятно, вердикт критика сыграл определенную роль в том, что пьеса «Не спи на закате» в сборник драматургических произведений Белова не вошла и шагов к ее публикации в дальнейшем он не предпринимал. В 1983 году в интервью газете «Горьковский рабочий» свое отношение к не удостоенной публикации пьесе писатель определил как к опыту из категории «в творческой лаборатории»: «...после института, мне захотелось написать одну философскую штуку, где бы действовали Адам, Ева и два архангела. Эту

пьесу я делал не для тщеславия, не для театра, а просто хотел попробовать свои возможности. Для меня очень интересен сам процесс писания» [7]. На рубеже 1990-х и 2000-х годов Белов, уже совершивший переход от «воинственного атеизма» к православию, написанный от руки вариант пьесы «Не спи на закате» сжег, по недосмотру или сознательно не подвергнув той же участи одну из машинописных копий.

Весной 2021 при разборе хранящегося в Музея-квартире В.И. Белова архива писателя директором этого учреждения О.Н. Анфимовой были обнаружены еще два письма автору пьесы «Не спи на закате», касающиеся содержания и художественных особенностей произведения. Адресантом одного из них является Ю.Г. Буртин, другого – П.В. Палиевский¹. Письмо Буртина датировано 15 июня 1969 года. Письмо Палиевского помечено 26 сентября, но год при этом не указан. Поскольку в нем упоминается рассказ Белова «Око дельфина», опубликованный в № 10 журнала «Уральский следопыт» за 1970 год, то можно полагать, что оно было написано не ранее конца сентября следующего, 1971 года.

Ю.Г. Буртин и П.В. Палиевский принадлежали к разным литературным группировкам, исповедовавшим разные социально-политические взгляды и враждовавшим между собой. Первый был последовательным «шестидесятником», приверженцем (может быть, за исключением некоторых нюансов) курса

¹ Письмо Ю.Г. Буртина – КБИАХМ МКБ КП-4071/78 А-1341, письмо П.В. Палиевского – КБИАХМ МКБ КП-4074/29 А-1760. Подписи в письме Буртина нет, письмо Палиевского подписано инициалом П. Авторство первого из них установлено С.Ю. Барановым, второго – О.Н. Анфимовой.

«Нового мира», руководимого А.Т. Твардовским². Второй – одним из лидеров «молодогвардейцев», избравших своей платформой журнал «Молодая гвардия», и принадлежал к так называемой Русской партии, оппозиционной по отношению к «прозападному» «Новому миру».

В.И. Белову по взглядам были более близки сподвижники Палиевского, но на рубеже 1960-х и 1970-х годов он стремился поддерживать связь и с «новомирянами», будучи одним из авторов их печатного органа и питая глубокое уважение к Твардовскому как поэту и значимой фигуре современной общественной жизни и литературного процесса. Показательно в данном плане его неоднозначное отношение к письму одиннадцати литераторов (М. Алексеева, С. Викулова, С. Воронина и др.), выступивших в июле 1969 года на страницах журнала «Огонек» против «Нового мира». Непосредственным толчком к этому выступлению послужила критика «новомирянцем» А. Дементьевым литературно-публицистических статей «молодогвардейца» В. Чалмаева [11]. Но, по сути, в письме было выражено резкое, с далеко идущими выводами, неприятие позиций, с которых эта критика велась и которые были квалифицированы как выражение идейных установок всего периодического издания в целом.

Авторы письма утверждали, что в условиях острого противостояния двух общественно-политических систем новомирские публикации, в отличие от публикаций журнала «Молодая гвардия», способствуют «размыванию идеологических рубежей», их авторы пропагандируют «общедемократическую точку зрения» вместо «точек зрения пролетарской», не руководствуясь принципами «советского патриотизма», «проповедуя среди молодежи нигилизм во всех видах, стремление к легкой, “изысканной” жизни на западный образец и поверхностный интеллектуализм без нравственных норм» [19, с. 26]. Особое неудовольствие авторов письма вызвало суждение А. Дементьева о несоответствии опубликованных в «Молодой гвардии» произведений о деревне реальному положению современного села. В высказываниях критика по данному вопросу они усмотрели резкое недовольство тем, что «“Молодая гвардия” стремится воспитывать в молодых читателях, будущих хозяевах страны, любовь к “земле”, “истокам”, к “деревне”» (Там же, с. 29).

Состояние современного села Белова не удовлетворяло, в этом отношении он вряд ли мог солидаризироваться с оппонентами «Нового мира». Но целый ряд положений из «письма одиннадцати» (необходимость противостоять чрезмерному увлечению молодежи западной культурой, отношение к крестьянству как первооснове национального бытия и некоторые другие) ему был близок, и пафос статьи М.П. Лобанова «Просвещенное мещанство», на которую ссылались авторы письма как на весомый аргумент в споре, он в целом разделял. Однако Белов пытался занять

свободную от идейных крайностей, независимую позицию и, обращаясь к В.В. Петелину, признавался: «Я бы это письмо не подписал. Не потому, что не согласен с мыслями против дементьевской статьи (с этими мыслями я согласен), а потому что, объективно, письмо против Твардовского <...> Я не берусь судить за всех, но, как мне кажется, Витя Астафьев и Саша Романов тоже не поставили бы свои подписи против Твардовского, да еще теперь, когда его гонят из журнала. Все это очень сложные и хитрые штуки <...> И правые и левые смыкаются против меня и Астафьева, хотя одни шумят за Россию, а другие шумят против лжепатриотов (Дементьев, к примеру). Те и другие стоят друг дружки» [18, с. 158]. Это письмо Петелину датировано 14 августа 1969 года, т.е. относится к тому времени, когда пьеса «Не спи на закате» была совсем недавно написанным произведением и Белов хотел получить отклики на нее от людей, мнению которых доверял и мнением которых дорожил. При этом важно отметить, что, как следует из приведенной цитаты, он предпочитал ориентироваться на авторитет и суждения значимых для него *личностей*, а не на позиции противоборствующих *группировок*, даже если эти позиции были в чем-то ему близки.

В конце 1960-х годов одной из таких значимых для Белова личностей в литературном мире являлся Ю.Г. Буртин, редактировавший в «Новом мире» раздел «Политика и наука». Публикация в этом широко известном, считавшемся одним из лучших журналов того времени, повышала репутацию и самооценку автора, и Белов искал возможность поместить в нем свои произведения. Добиться этого было непросто. В 1964 году А.Т. Твардовским была отклонена беловская повесть-очерк «В родных палестинах»³, а в 1965, несмотря на очевидные литературные достоинства произведения и на мнение членов редакции, он по тактическим соображениям не решился поместить в журнале «Привычное дело». Первым произведением Белова, появившемся в «Новом мире», стал рассказ «Мазурик» («Под извоз») (1968), затем там были напечатаны повесть «Плотнички рассказы» (1968) и «Бухтины вологодские» (1969). Все три публикации приходятся на последние годы руководства Твардовского «Новым миром» и работы Буртина в этом журнале.

Белов и Буртин были ровесниками, их сближению способствовало несколько обстоятельств, в том числе и сугубо личных, обусловленных трудностями вхождения «провинциального» писателя в малокомфортную для него литературно-издательскую среду столицы. Три десятилетия спустя Белов вспоминал о своем общении с членами редакции «Нового мира»: «С Буртиным у меня были хорошие отношения, тогда он успешно громил “заединщиков” вроде Грибачева, Маркова и других официозных писателей. Двери к Буртину для меня были всегда открыты, не то что к Кондратовичу или к Дементьеву» [6, с. 337]. Буртин в немалой степени способствовал расширению истори-

² В «Исповеди шестидесятника» Буртин писал: «Что касается “Нового мира”, то это моя духовная родина, которую я ношу в себе и буду носить до конца моих дней. <...> Он действительно стал для меня вторым отчим домом, чья роль, как и роль Твардовского, в моей литературной и гражданской биографии была и остается определяющей» [9, с. 74].

³ Это произведение в переработанном виде и под новым заглавием «Раздумья на родине» было опубликовано в № 6 журнала «Наш современник» за 1985 год. Его первоначальный вариант см.: [3].

ко-политического кругозора Белова. Оставляя приятеля на день в своей московской квартире, он давал ему читать запрещенные в СССР книги, в частности «Технологию власти» А. Авторханова, которая содержала «подробности троцкистско-бухаринского бунта против Сталина» [6, с. 338], отображенные впоследствии Беловым в трилогии «Час шестой». С первой частью этого произведения, романом «Кануны», Буртин познакомился еще на стадии работы писателя над ним и высказал относительно прочитанного целый ряд концептуально значимых замечаний [10, л. 11–12. Письмо от 15.IV.7.]. Импонировал Белову и живой интерес Буртина к проблемам села – как в социальном, так и в нравственно-психологическом и литературном планах. Интерес этот имел биографические корни, т.к. вырос Буртин в деревне, а для написанных им статей и рецензий на данную тему было характерно глубокое понимание процессов, определявших исторические судьбы крестьянства и его нынешнее состояние [8, с. 337]. Созвучным беловскому представлению о коллективизации было и утверждение Буртина о том, что в ее основе «лежали не интересы крестьянства, а государственная воля <...> насилие меньшинства общества над его подавляющим большинством – событие, беспрецедентное в мировой истории...» [9, с. 39].

Судя по сохранившимся письмам, общение Белова и Буртина продолжалось и в 1970-е годы, после ухода Твардовского и его ближайших соратников, в число которых входил и Буртин, из «Нового мира». Но друг от друга они постепенно отдалялись. Буртин обосновался в редакции издательства «Советская энциклопедия» и увлеченно работал над словарем «Русские писатели», углубленно занимался творчеством Н.А. Добролюбова. В то же время много сил он отдавал «внеслужебной» деятельности: занимался распространением самиздата, примкнул к диссидентскому движению, был тесно связан с правозащитниками. Ко всему этому Белов не мог относиться с пониманием, сочувствием и одобрением. Размежевание усилилось в годы «перестройки», когда Буртин проявил себя как публицист демократического толка. При его непосредственном участии создавался клуб «Московская трибуна» и формировалась Межрегиональная депутатская группа, сплачивавшая оппозиционные силы на I съезде депутатов СССР. Возможно, какую-то роль в отчуждении Белова и Буртина друг от друга сыграли также и острые грани национального вопроса [6, с. 337].

П.В. Палиевский родился в том же 1932 году, что и Белов с Буртиным, т.е. они все трое принадлежали к одному поколению. Поколение это, как, впрочем, и любое другое, было мировоззренчески неоднородным, наглядным подтверждением чему служат пересекающиеся, но не общие пути Белова, Буртина и Палиевского в общественной жизни и культуре. Основной сферой профессиональной деятельности Палиевского являлось литературоведение. Его кандидатская диссертация была посвящена теории образа, докторская – развитию русской литературы на рубеже XIX–XX веков. Помимо теории и истории русской литературы (творчество Л. Толстого, М. Булгакова, М. Шолохова и др.), он много занимался зарубежной

литературой (работы об О. Хаксли, Г. Грине, У. Фолкнере и др.). На протяжении более полувека Палиевский был научным сотрудником Института мировой литературы. Преподавал в Московском государственном университете, а также в университетах Европы и Америки.

Одним из активных участников русского патриотического движения Палиевский являлся в 60–70-е годы, затем от деятельности, связанной с этим идеологическим направлением, отошел. В.И. Белов сблизился с ним в ходе работы Советско-болгарского клуба творческой молодежи – общественной организации под эгидой ЦК ВЛКСМ. Клуб этот начал работу в январе 1967 года и, по воспоминаниям Белова, «сплотил довольно большую группу патриотически настроенных молодых людей. С русской стороны туда входили такие литераторы, как Палиевский и Семанов, Ланщиков и Михайлов, Валерий Ганичев и Валентин Сидоров. На втором или третьем заседании появился Валентин Распутин». Заседания клуба проходили бурно. «Все мы были тогда молоды и задиристы», – с оттенком ностальгии замечал Белов на исходе XX века [6, с. 327–328]. В этой шумной компании Палиевский был интеллектуальным лидером, способствовавшим идейному и культурному развитию своих сподвижников. С.Н. Семанов считал, что Палиевскому принадлежала ключевая роль в становлении «Русского клуба» и что «на поколение своих современников он оказал огромное, ни с чем не сравнимое влияние» в плане мировоззренческом и в плане личностном: «Учились мы все <“молодые люди тридцатых годов рождения”> самодумкой, но “первым учеником” среди всех нас был, несомненно, Петр Васильевич, Петя, как именovali его тогда. Он знал три основных европейских языка, свободно объяснялся на них, что было редкостью в то время. Но главное – в ином. Он раньше всех нас прочел труды Флоренского, С. Булгакова, Леонтьева и в особенности – своего любимого Розанова, даже имел набор его прижизненных изданий. Ну, я-то об этих авторах до знакомства с Палиевским даже не слышал. Выделялся он также тем, что никогда не пил, даже не пригублял в бесчисленных наших застольях. Ядовито и беспощадно обличал всех нас за слабости, особенно литературные. Вкус его к слову, устному или письменному, был безупречен» [20, с. 337–338].

Когда Белов пишет о том, как в 60-е «оттепельные» годы началось и неуклонно ширилось знакомство взыскующей правды молодежи с недоступными или труднодоступными ранее трудами Н. Бердяева, С. Булгакова, К. Леонтьева, В. Соловьева, Н. Федорова и П. Флоренского [5, с. 291], он, конечно, подразумевает, что происходило это не само по себе, культурным «самотеком», а с подачи и при посредстве людей типа П. Палиевского, который и на него, Белова, несомненное интеллектуальное влияние оказал. Обращение к нему, высококомпетентному в вопросах мировой культуры специалисту, с просьбой оценить написанную в нехарактерном для советской литературы тех лет идейно-образном ключе пьесу «Не спи на закате» было вполне закономерным.

По признанию Палиевского, с Беловым его связывали приятельские отношения, но «деревенскую

прозу», одним из наиболее ярких представителем которой Белов являлся, «исключительно положительным» явлением он считал отказывался. Палиевский полагал, что предпринятая «деревенщиками» в их произведениях «защита крестьянского образа жизни, его ценностей, особенно в “Ладе” Белова, все же тянула в прошлое» вопреки реальным тенденциям исторического процесса, и стремление представить былое состояние русской деревни близким к идеалу он называл «ретроспективным утопизмом» [17]. Позицию Палиевского по отношению к «деревенской прозе» и ее авторам следует учитывать, знакомясь с его письмом о пьесе «Не спи на закате». Ко времени создания этой пьесы Белов уже выпустил поэтическую книжку «Деревенка моя лесная», сборники рассказов и повестей «Знойное лето» (1963), «Речные излуки» (1964), «Тиша да Гриша» (1966), «За тремя волоками» (1968), «Плотничьи рассказы» (1968). Повести «Привычное дело» и «Плотничьи рассказы», сначала опубликованные в журналах, а затем включенные в состав сборников, были восприняты читающей публикой и критикой как важные события литературной жизни, а Белов приобрел репутацию одного из лидеров проблемно-тематического направления «деревенская проза». Пьесу «Не спи на закате» Палиевский, по-видимому, воспринял как заслуживающую одобрения попытку Белова выйти за рамки «деревенской прозы», попробовать свои силы в ином творческом амплуа. И выход автора пьесы на общепублицистский, абстрагированный от конкретного социально-исторического материала уровень вкуса Палиевского соответствовал. Правда, следует учитывать, что его письмо о пьесе является чем-то вроде спонтанного изложения впечатлений от первого прочтения произведения, и потому в нем нет строгой непротиворечивой логики, о чем Белов предупреждал сам адресант («прости, что буду сбивчив»).

Обращение Белова к представителям разных идейных течений с просьбой о дружеской «экспертизе» своего нового литературного сочинения было, скорее всего, мотивировано не только доверием к их литературному профессионализму, но и желанием вывести из полученных отзывов некое общее, объективное, свободное от групповых пристрастий мнение. В значительной мере этот ход себя оправдал. Буртин и Палиевский сошлись в том, что написанная Беловым пьеса представляет немалый интерес как в плане содержательном, так и в собственно литературном («вещь существенная и свежая», заслуживающая «самого серьезного к ней отношения»; пьеса «очень умна», «прозвучит и будет расхватаана»). Оба «эксперта» также настойчиво убеждали Белова в необходимости художественной доработки произведения – с тем, чтобы заложенные в замысле возможности были осмыслены и реализованы в полной мере. С ними был солидарен еще один ознакомившийся с пьесой читатель – заведующий отделом критики журнала «Новый мир» И.И. Виноградов, который, вероятно, получил рукопись с разрешения автора от Буртина⁴. В недати-

рованном, но, судя по его содержанию, относящемся ко второй половине 1969 года письме Буртин сообщал Белову: «Вася, посылаю пьесу. Игорь прочел, ему это кажется очень перспективным, но он тоже считает, что работа тебе предстоит еще изрядная» [10, л. 25. Письмо без даты].

Обращает на себя внимание то, что и Буртин, и Палиевский констатируют наличие в произведении серьезной философской проблематики и расценивают это как важный симптом дальнейшего развития беловского таланта, а также как своеобразный отклик на назревшие потребности современной духовной жизни («проблемски больного, сегодняшнего»). Более развернуто об этом высказывается Палиевский, обозначая целый спектр проблем, затронутых Беловым в пьесе, и вписывая произведение в контекст многовековых собственно философских и теософских исканий (от античности до В.В. Розанова). Попутно им отмечаются и некоторые «лакуны», заполнение которых при разработке сюжета «грехопадение» является не только желательным и необходимым («опыт Христа и христианства»). Возможно, эти суждения и натолкнули автора произведения, засомневавшегося в том, что оно – его творческая удача, на мысль «Сделать философскую статью на основе этой грешной пьесы» [2, с. 55 – текст и снимок обложки рукописи].

Особый интерес представляет мнение корреспондентов Белова о его самостоятельности в подходе к глубинным мировоззренческим вопросам («...есть на ней <пьесе> печать именно твоего, несмотря на философскую абстрактность материала» – Буртин; «...ее <пьесы> ум, по моему впечатлению, совершенно самостоятельный» – Палиевский). Суждение это примечательно, поскольку оно утверждает мысль о том, что отход Белова от деревенской тематики не ведет к утрате творческой индивидуальности, которая может отчетливо давать о себе знать и в работе с материалом, отвлеченным от социокультурной конкретики.

Авторская самостоятельность проявляется в интерпретации самого библейского сюжета о грехопадении (катастрофические последствия предустановленной Богом для архангелов и людей свободы воли), в отборе и трактовке проблем, с этим сюжетом соотношенных («бремя сильного и знающего правду» – т.е., в данном случае, «бремя» Бога; терпение как средство утверждения блага, как способ борьбы с искусом и как сам искус), в проекции глубоко индивидуальных авторских проблем на оценку «вечных» образов («в отношениях к женщине – Еве – кажется что-то очень личное, но как будто не продуманное для других»)⁵.

Что же касается соотношения «философски абстрактного» материала и творческой индивидуальности Белова, то некоторые дополнительные штрихи к пониманию Буртиным этого вопроса можно найти в других его письмах, относящихся к тому же времени. Одно из них датировано 27 мая 1969 года и посвящено беловской статье «Деревня и кино» («Деревенская тема в кино»), с просьбой о прочтении и оценке руко-

⁴ См. в тексте публикуемого письма Буртина запрос на такое решение: «Послать ли тебе рукопись? Или все же дать здесь еще кому-то?»

⁵ Это замечание Палиевского побуждает к соотношению Евы из пьесы «Не спи на закате» с женскими образами из рассказов цикла «Воспитание по доктору Споку» и романа «Все впереди».

писи которой писатель к Буртину обратился⁶. Откликаясь на просьбу, Буртин, в частности, писал: «Но вот тебе вопросик: мужика ли надо защищать или надо защищать человека? И в мужике и в ком угодно. И можно ли защитить мужика, защищая только его, а не человека вообще, то есть свободу, демократию, достоинство и права личности, нравственные ценности? Это вопросы не праздные, ибо у нас есть охотники выделить “защиту мужика” из клубка наших общих проблем и тянуть только эту ниточку. А одна эта ниточка, по глубокому моему убеждению, ведет в болото» [10, л. 8 об.].

Идеальным вариантом совмещения «человека» и «мужика» как социально-исторической конкретизации общечеловеческих начал Буртин считал героя повести «Привычное дело» Ивана Африкановича. Пьеса «Не спи на закате» имеет иную художественную специфику по сравнению с «Привычным делом» как произведением «деревенской прозы». В историко-литературном плане она может быть увязана с традицией, восходящей к средневековым «полулитургическим драмам» и моралите. В контексте литературы XX века ее можно квалифицировать как пьесу-притчу. В ней антропоморфные Бог и архангелы, а также Адам с Евой, фабульно представляют «человеческие сущности» в чистом, абстрагированном от временной и социальной приуроченности виде. В совокупности все они – это ипостаси образа «человека вообще», соотношенные со взятыми опять-таки в «чистом виде», присутствующими и дискутируемыми в пьесе представлениями о свободе, демократии, достоинстве и правах личности, о нравственности – т.е. о тех общечеловеческих ценностях, на приоритете которых настаивал Буртин. Однако «чистота» выгнута из «общего клубка противоречий» ниточки общечеловечности здесь все-таки оказывается условной, так как не наделенные социально-историческими координатами персонажи являются созданиями автора, эти координаты имеющего, и печать авторского мировоззрения они на себе несут. И если бы пьеса была опубликована, ее проблематика неизбежно соотносилась бы с процессами в духовной жизни общества тех лет и могла бы восприниматься как живой отклик на эти процессы. Так случалось, например, со спектаклями по «драматическим притчам» Б. Брехта в 1950–1960-х годах: «...в происходящем на сцене угадывалась рефлексия на тему советской действительности» [12].

«Не спи на закате» – произведение конца 1960-х, последних «оттепельных» годов, написанное в определенном момент творческого развития В.И. Белова и с учетом возможностей художественного экспериментирования с образностью, наметившихся благодаря введению в читательский оборот ранее недоступных советский публике «нереалистических» произведений западноевропейской литературы (Б. Брехт, Ф. Кафка, Ж. П. Сартр и др.) и образительного искусства (выставки в Москве и Ленинграде (см. хронику культурных событий периода «оттепели» в кн.: [21]), многочисленные публикации рисунков из серии «Сотворение мира» Ж. Эффеля и их использование в

театре и кинематографе [2, с. 56–57]). Эти обстоятельства обусловили попытку Белова самому попробовать написать пьесу на основе «общечеловеческой», отвлеченной от социально-исторических реалий образности. Соответствие предпринятой им попытки веяниям и духовным потребностям времени отметили и Буртин, и Палиевский. Но вместе с тем можно с большой долей уверенности предполагать, что в условиях идеологически обостренной внутрилитературной борьбы 1960-х годов публикация пьесы «Не спи на закате» вызвала бы обвинения автора в «космополитизме» и «модернизме», в подверженности «тлетворному влиянию буржуазной культуры» и отступлении от заветов как классического, так и социалистического реализма. Именно такого рода упреки (правда, в несколько ином терминологическом оформлении) и высказал Белову двенадцать лет спустя М.П. Лобанов [1]. Но почему-то ни Буртин, ни Палиевский – люди, искушенные в перипетиях идейных баталий и хорошо осведомленные о существовании «подводных камней» в современной литературной жизни, – эту вероятность не обозначили, сосредоточившись по преимуществу на конструктивных несовершенствах произведения, которое, по их мнению, нуждалось в доработке.

И Буртин, и Палиевский, и Виноградов сошлись в том, что в тексте пьесы не нашла отчетливого выражения «сквозная мысль», обеспечивающая концептуальную целостность и единство действия произведения («...ясности полной нет» – Буртин; «Проблески <...> большого, сегодняшнего <...> в бремени сильно-го и знающего правду; к тому же тут и русская идея терпения. <...> Но при чем тут бог? Если он есть, это смешно, если нет – зачем эта усложненная, тощая форма?» – Палиевский; «Не прояснена общая идея вещи, недостаточно выяснены взаимоотношения тех идей-принципов, которые персонифицированы в архангелах» – Виноградов) [10, л. 25]. Тем не менее, при внимательном рассмотрении текста такая мысль, «общая идея вещи» (пусть недостаточно последовательно и не всегда отчетливо выраженная) может быть уловлена. Это «мысль» о лабиринтах духовной свободы, постулируемой христианским мировоззрением и чрезвычайно трудной для обретения в реальной земной жизни. О неспособности людей следовать завету свободы заявляет плененному Христу великий инквизитор в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они <люди> в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!» [13, с. 230]. В пьесе «Не спи на закате» Бог, исходя из убеждения, что свобода в своем абсолютном выражении и конечном развитии не может не привести к благу, предоставляет возможность пользоваться ею по собственному усмотрению и двум архангелам, и Адаму с Евой. Однако «эксперимент» этот приводит к таким последствиям, что Богу приходится признать его неудачу: «Я думал, что теперь все хорошо в мире и создал человека. Человек мог стать Богом! Вероятно, я тоже поторопился... Мир был не

⁶ Статья была опубликовано в № 8 журнала «Аврора» за 1970 год.

готов к этому. Архангелы! Это они оказались не готовы, все пошло не так, как я ожидал... Они все погибли! Человек и весь мой мир – все пошло прахом» [4, с. 60–61].

Но можно согласиться с тем, что мысль о «бремени свободы» действительно была несколько размыта и «затемнена» в рукописи произведения его композиционными просчетами. Оценивая в целом пьесу как примечательное явление и в творчестве Белова, и в современной литературе, авторы писем все-таки сочли ее текст нуждающимся в совершенствовании и высказали целый ряд рекомендаций относительно дальнейшей работы над ней. Рекомендации эти имели различный характер и касались разных сторон художественной организации произведения.

Ю.Г. Буртин, отметив достоинства его композиционного каркаса (оптимальный состав действующих лиц, сюжетно оправданный временной охват развития действия – «от дня творения до конца человеческого рода», удачно найденное соотношение между «серьезным элементом и комически-бытовым»), в то же время обратил внимание на склонность автора к художественным излишствам и передержкам (умничанье персонажей без повода, чрезмерная насыщенность текста афоризмами при недостаточной мотивированности речей действующих лиц их характерами и сюжетными ситуациями, слабая разработанность образа Адама, перегруженность фабулы событиями).

Избыточность интеллектуализма в произведении Белова усмотрел и П.В. Палиевский, в принципе отнесшийся одобрительно к пьесе «Не спи на закате» как к проявлению самостоятельности авторского мышления. Его замечание о том, что талант глубже ума, имеет мировоззренческую подоплеку. По Палиевскому, «художественное сознание для русской культуры – очень важная вещь, возможно, более важная, чем для западной, потому что на Западе гораздо раньше, чем в России, развилась философия, социология, политика, а в России XIX века все это шло через художественный образ. Художественный образ в русской культуре есть не просто художественное украшение каких-то идей, а, напротив, выражение самих этих идей, еще не расчлененных в рациональных категориях, не превращенных в какой-то там канон» [17]. Цитированное суждение было высказано Палиевским в его последнем интервью осенью 2019 года. Но выраженная в нем мысль присутствовала в том или ином виде во многих работах ученого, начиная с его ранних статей более чем полувековой давности [14, 16 и др.]. Эта мысль в значительной мере предопределяла и неприятие им структурализма [15]. Она выразилась и в упреке писателю Белову, использующему при переписке умозрительные литературоведческие термины, и в предпочтении таланта «уму», который не столь глубок, как талант, оперирующий образами, а не рациональными категориями. По видимому, в «очень умной» пьесе «Не спи на закате» Палиевскому не хватило образного выражения авторского «ума».

Есть в письме Палиевского и «дерзкий совет» перевести проблематику и образную структуру пьесы из ко многому обязывающего библейского в более земной, но художественно не менее перспективный и

национально значимый древнерусский план. В качестве событийной основы для такого переноса он предлагает использовать летописно-житийный сюжет об убиении первых русских святых – благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. При этом возникают персонажные параллели, мотивирующие возможность разработки проблематики пьесы на ином материале: Владимир Святой – Бог, Святополк Окаянный – Второй Архангел (сатана), что же касается Бориса и Глеба, то образ каждого из них, вероятно, мог бы интерпретироваться как контаминация отдельных черт Первого Архангела и Адама. Хотя предлагаемая Палиевским версия возможной трансформации беловского замысла сопровождается извинениями и уверениями в несомненной значимости предпринятого писателем творческого опыта, само ее появление свидетельствовало о том, что этот опыт, по мнению Палиевского, не является в полной мере удавшимся. По сути его «совет» предвосхитил рекомендацию, данную позднее Белову М.П. Лобановым: «...если Вам так дорог замысел пьесы <...> то, <может> б<ыть>, можно обойтись без присутствия на сцене Бога и писать о всем прочем?» [1, с. 57.] В обоих случаях речь шла об «обмирщении» проблематики и разного строя пьесы, об уходе из культурного контекста, который давал бы возможность предъявить разработчику сюжета о грехопадении (в силу его многоаспектности, сложности и сакральной ассоциативности) слишком много претензий. Только Лобанов был более строгим в своих оценках и категорически, без каких-либо оговорок и допущений, не признавал права на существование пьесы в том виде, в каком она была дана ему автором для прочтения. Палиевский принадлежал к тому же *русскому патриотическому движению* 1960–1970-х годов, что и он сам. Но, с точки зрения Лобанова, Палиевскому недоставало последовательности и определенности в исповедовании идейных установок этого движения. Когда Белов сослался на положительный отзыв Палиевского о пьесе «Не спи на закате», Лобанов отреагировал на это следующей тирадой: «Вы пишете, что П.В. Палиевский поощряет Вас с пьесой, говорит, что Вы имеете право писать так и т<ак> д<алее>. Ах, Петр Васильевич! Не знаешь, с какой стороны гром грянет. Ведь в разговорах такой “традиционник”, такой верун (от слова “вера”), во всю кроет этих сартров и прочих бесенят, а сам эвон куда! Ну да это уж его интеллектуальная “вещь в себе”, которую не легко, видно, постигнуть. Палиевский человек искусный, сам в искусстве и других заманивает. Он, кажется, уверен, что и на том свете без него не обойдутся, пригласят в эксперты по земным делам к Архангелу (не дай Бог ко II^м). П<стр> В<асильевич>, видно, выше всяких тайн. А Вам, как художнику, без них не обойтись: без чувства таинственности, бесконечности трудно создать что-то глубокое, вечное» [1, с. 57–58]⁷.

В конечном счете, после сомнений и колебаний, растянувшихся на долгие годы, Белов с мыслью о доработке, переделке, публикации или о преобразовании пьесы «Не спи на закате» в философскую статью окончательно расстался. С течением времени суровый

⁷ В цитате сохранены орфографические особенности оригинала.

приговор М.П. Лобанова стал для него более авторитетным, чем благоприятные отзывы Ю.Г. Буртина и П.В. Палиевского. В корпус сочинений, одобренных его авторской волей, пьеса не вошла. Но примечательными фактами литературной жизни второй половины XX столетия и сама она, и спектр суждений о ней, высказанных людьми, которые познакомились с рукописью ее, безусловно, являются. А публикуемые письма позволяют предполагать, что в государственных и личных архивах могут храниться и другие, пока еще не выявленные и представляющие несомненный интерес отзывы о пьесе Белова «Не спи на закате».

Литература

1. Баранов, С. Ю. Пьеса В. И. Белова «Не спи на закате» в оценке М.П. Лобанова / С. Ю. Баранов, Л. Л. Ефремова, Э. Л. Трикоз // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 4 (19). – С. 49–59.
2. Баранов, С. Ю. Сюжет «грехопадение» в интерпретации В. И. Белова (Новонайденная пьеса писателя «Не спи на закате») / Баранов С. Ю., Трикоз Э. Л. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 1(16). – С. 54–65.
3. Белов, В. И. В родных палестинах. Избранная проза / В. И. Белов. – Москва : РИЦ Классика, 2017. – 432 с.
4. Белов, В. Не спи на закате [Рукопись] / В. Белов // Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Музей-квартира В. И. Белова. КП-4964 А-3134.
5. Белов, В. И. Одинокий художник / В. И. Белов // Собрание сочинений : в 7 томах / В. И. Белов. – Москва : РИЦ Классика, 2011. – Т. 5. – С. 287–298.
6. Белов, В. И. Тяжесть креста: Воспоминания о Василии Шукшине / В. И. Белов // Собрание сочинений : в 7 томах / В. И. Белов. – Москва : РИЦ Классика, 2011. – Т. 5. – С. 299–378.
7. [Белов, В. И.] У искусства должна быть душа. Рядом с интересным собеседником (Беседу с В. И. Беловым записал С. Чуянов) // Горьковский рабочий. – 1983. – 4 ноября.
8. Биуль-Зедгинидзе, Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского / Н. Биуль-Зедгинидзе. – Москва : Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996. – 439 с.

9. Буртин, Ю. Г. Исповедь шестидесятника / Ю. Г. Буртин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 648 с.

10. [Буртин Ю. Г.] Письма Ю. Г. Буртина В. И. Белову (12.06.1968 – 17.04.1977) ГАВО. Фонд № Р-5134. Оп. 1. Д. 87.

11. Дементьев, А. О традициях и народности (Литературные заметки) / А. Дементьев // Новый мир. – 1969. – № 4. – С. 215–235.

12. «Добрый человек из Сезуана». Вспоминаем спектакль, с которого начался Театр на Таганке. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/72696073/> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст : электронный.

13. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 томах / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1976. – Т. 14. – 512 с.

14. Палиевский, П. В. Внутренняя структура образа / П. В. Палиевский // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. – Москва : Наука, 1962. – Кн. 1. – С. 259–279.

15. Палиевский, П. В. О структурализме в литературоведении / П. В. Палиевский // Знамя. – 1963. – № 12. – С. 189–198.

16. Палиевский, П. В. Образ или словесная ткань / П. В. Палиевский // Вопросы литературы. – 1959. – № 11. – С. 84–99.

17. [Палиевский П. В.] Художественный образ – русская национальная идея: Петр Палиевский о художественном сознании, важности «Буратино», деревенщиках и встречах с Грэмом Грином (беседу вел С. Сергеев). – URL: <https://gorky.media/context/hudozhestvennyj-obraz-russkaya-natsionalnaya-ideya/> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст : электронный.

18. Петелин, В. Мой XX век: счастье быть самим собой. Жизнеописание в противоборстве официальной идеологии. Документы. Письма. Статьи. Размышления / В. Петелин. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2009. – 640 с.

19. Против чего выступает «Новый мир». Письмо в редакцию // Огонек. – 1969. – 26 июня (№ 30). – С. 26–29.

20. Семанов, С. Н. Брежнев. Правитель «золотого века» / С. Н. Семанов. – Москва : Вече, 2002. – 398 с.

21. Чупринин, С. Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года / С. Чупринин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 1192 с.

S.Yu. Baranov

«THIS PIECE DESERVES WORK»

(Letters from Yu.G. Burtin and P.V. Palievsky about the play «Don't Sleep at Sunset» by V.I. Belov)

The article precedes the publication of the letters about the recently discovered play «Don't Sleep at Sunset» by V.I. Belov. They are written by Yu.G. Burtin and P.V. Palievsky, two active participants in the literary and social life of the 1960s – 1970s. S. Yu. Baranov characterizes the historical and literary context of the appearance of the play and the reaction to it of the representatives of various ideologies.

V.I. Belov, Yu.G. Burtin, «village prose», concept, intellectualism, criticism, P.V. Palievsky, play-parable, creative individuality, integrity of the work.

ПИСЬМО Ю.Г. БУРТИНА

Здравствуй, Вася!

Сейчас перечел твою пьесу. (Первый раз прочел тем же утром, когда ты улетел, но сразу не написал, т<ак> к<ак> не было ясности в голове, а потом отвлекли всякие дела и хлопоты.) Правда, ясности полной нет и сейчас, но все-таки попытаюсь определить свое впечатление.

Штука получается, по-моему, интересная, читается неотрывно. Вещь и существенная и свежая, есть на ней печать именно твоего, несмотря на философскую абстрактность материала. Контуры основных фигур (их ровно столько, сколько должно быть) найдены, равно как и основные контуры действия – от дня творения до конца человеческого рода. Многие сцены хороши и уже вполне или почти вполне готовы. В общем найдено и соотношение между серьезным элементом (конфликт – Архангелов и т<ому> п<подобное>) и комически-бытовым (Ева и «женский вопрос»).

Но при всем том – ощущение еще первого черновика. И тебе, Боже, стоит еще потрудиться. Во-первых, твои герои порой беспричинно много говорят, сыплют афоризмами. Я еще не успел переварить один, как сыплются новые и новые. Надо их проредить, как морковь на грядке, чтобы каждому было достаточно пространства. И потом: они должны быть более строго мотивированы 1) характерами и 2) ситуациями. Этого сейчас не хватает, порой идет умничанье без повода, причем иногда один персонаж говорит то, что вполне мог бы сказать и другой. В этом смысле ты становишься похож на Горького, а тебе бы здесь, если на кого и походить, то лучше уже, скажем, на Ибсена немножко, у которого так осмыслены и наполнены паузы (взять хотя бы «Кукольный дом»).

Пункт второй – Адам. Он – почти белое пятно (в отличие от хорошо написанной Евы). Добро и Зло спорят над его головой, а он только ревнует Еву и только ради нее обнажает «меч Сатаны». Он почти не движется, и его образование почти исчерпывается тем первым уроком различения добра и зла, с которого начинается пьеса. М<ожет> б<ыть>, как-то пунктиром дать его созревание? (Правда, тут надо остерегаться опасности превращения пьесы в историческую иллюстрацию, надо выдержать единство действия).

В связи с этим – фабула. Сцен как будто тоже многовато. Их, по-моему, должно быть немного, но чтобы каждая была крупным и необходимым этапом неожиданного (и логичного) развития общей идеи.

Работы тут еще много, но, повторяю, штукавина эта заслуживает работы, заслуживает с твоей стороны самого серьезного к ней отношения.

Послать ли тебе рукопись? Или все же дать здесь еще кому-то?

Как твои дела? Чем занят? Как, кстати, с предисловием?

У нас – без перемен. Твардовский в Грузии, и наш мир, такой новый, качается на волосинке, поблескивая в лучах июньского солнца.

Обнимаю тебя. Привет от нас обоих – Оле.

15/VI.69.

ПРИМЕЧАНИЯ

...обнажает «меч Сатаны». – Слово «меч» здесь употреблено в переносном смысле (физическая борьба, насилие как орудие дьявола). В соответствующей ремарке пьесы ситуация описана так: «Адам вскакивает и безоружный бросается на Архангела II, падает, пораженный, Архангел I защищая Адама, бросается на Архангела II, они бьются на смерть и поражают друг друга. На сцене грохот и мрак, мир гибнет» (с. 59, текст воспроизводится с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала).

...его образование почти исчерпывается тем первым уроком различения добра и зла, с которого начинается пьеса. – Имеется в виду сцена, где Архангел I пытается растолковать Адаму суть понятий «хорошо» и «плохо» (с. 5).

Послать ли тебе рукопись? Или все же дать здесь еще кому-то? – Из дальнейшей переписки известно, что Ю.Г. Буртин давал для прочтения рукопись заведующему отделом критики журнала «Новый мир» И.И. Виноградову.

Как, кстати, с предисловием? – Возможно, речь идет о предисловии к очередному сборнику произведений Белова. (Вышел в 1971 году под названием «Сельские повести» без предисловия с послесловием С. Залыгина).

...наш мир, такой новый, качается на волосинке – каламбур по поводу неустойчивого положения журнала «Новый мир», подвергавшегося постоянным нападкам и угрозе закрытия или смены руководства.

Привет от нас обоих – Оле. – От Буртина и его жены – Ольге Сергеевне, супруге В.И. Белова.

ПИСЬМО П.В. ПАЛИЕВСКОГО

26.IX.

Дорогой Вася!

Не отвечал тебе, так как был действительно на море и в карантине. Вот бы пьесу написал. Боюсь, правда, что горячие перья уже строчат и скоро услышим какой-нибудь «дневник мужества».

Теперь об этой. Жаль, что о ней нельзя сказать кратко, поэтому прости, что буду сбивчив. Она очень умна (кстати, почему ты пишешь «рационализм», «своеобразие избранной формы», ты что, литературовед? кто же по-русски <так> скажет?). Но ее ум, по моему впечатлению, совершенно самостоятельный, а в этом деле (не таланта, который глубже) обойтись им одним возможно ли, не знаю. За каждой из брошенных тобой мыслей есть целая философия или даже религия (напр<имер,> зависимость бога – богов – от судьбы, борьба с хаосом, это античная, особ<енно> греческая идея; предоставление человеку свободы – христианская; то, что человек нужен богу – теософия; тут же богоискательство, богостроительство; возвращение всех вопросов в «живот» и к ребенку это Розанов или, бледнее, немец<кая> «философия жизни» и т<ак> д<алее>). Однако их исторические ответы друг другу, «аргументы» так сказать, были в своем соотношении и невероятно глубоки, интересны; вдобавок большинство их тут и не предполагается. Можно сказать, не учтен даже «опыт» Христа и христианства – спор архангелов оставлен в отголосках Каина и Авеля (жертва пассивна и т<ак> д<алее>). Если ты думаешь, что он исчерпывается воинственностью католицизма («не выдержал» 1-й архангел), то ведь это только политическая сторона. Откуда ты взял, что обсуждение противоречит тайне мироздания (стр<аница> 16)? Что задача бога человеческое «счастье» (стр<аница> 35 и др<угие>)?

Проблески чего-то если не нового (абстрактно), то по крайней мере, больного, сегодняшнего, есть в том, что ты писал в «Оке дельфина» – в бремени сильного и знающего правду; к тому же тут и русская идея терпения. (В твоих отношениях к женщине – Еве – кажется что-то очень личное, но как будто не продуманное для других). Но при чем тут бог? Если он есть, это смешно, если нет – зачем эта усложненная, тощая форма? Может быть, ты захотел погавриллиадить (неизвестно «от кого» мы), но в этом давно нет крамолы, а товарища Бабеля тебе не переплунуть.

Не сердись, Вася, сам меня вынудил. Еще: смысл заглавия не прорывается нигде сквозь пушкинское «царствуй, лежа на боку». Простишь ли дерзкий совет? Вспоминается из «Поучения» Мономаха сыновьям: «Да не застанет вас солнце в постели». Вот такое звучит, да и древняя Русь наша в этом смысле – «потерянный рай». А еще бы лучше взять убийство Святополком Бориса и Глеба; никто из писателей не трогал, а тут тебе и «бог» (т<о> е<сть> отец их, Владимир Святой, его предупреждения) и все последствия.

Уф! Еще раз извини, и не обращай на критику внимания, т<ак> к<ак> перед тобой теоретик. Пьеса, я убежден, прозвучит и будет расхватана, так как сей-

час время рассуждений, хлебом не корми – буквально. Отдай ее в «Новый мир», именно теперешний.

Приезжай!

П<алиевский>.

Можно дать почитать Семанову, Кожиннову?

ПРИМЕЧАНИЯ

...был действительно на море и в карантине. – Возможно, имеются в виду карантинные мероприятия в связи с мировой эпидемией гонконгского гриппа в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В СССР это заболевание характер пандемии не приобрело ввиду существования «железного занавеса», минимализировавшего связи с зарубежными странами. Карантинные меры применялись лишь по отношению к тем, кто контактировал с иностранцами (в частности, к вернувшимся из-за границы туристам).

...почему ты пишешь «рационализм», «своеобразие избранной формы», ты что, литературовед? кто же по-русски <так> скажет? – письмо Белова к которому здесь апеллирует Палиевский, на данный момент не обнаружено.

«Дневник мужества» – ироническое именование произведений, пафосно изображающих героическое поведение советского человека в неординарных жизненных ситуациях.

...возвращение всех вопросов в «живот» и к ребенку это Розанов – отсылка к центральной в философии В.В. Розанова идее слияния «чувства пола» с «чувством Бога» и вытекающему из нее усмотрению смысла жизни в продолжении рода.

...немецкая «философия жизни» – здесь: одно из отвлечений данного философского течения, представленное истолкованием жизни как естественно-органического начала, противопоставленного механической рассудочности (напр., у Ф. Ницше).

Откуда ты взял, что обсуждение противоречит тайне мироздания (стр<аница> 16)? – См. в тексте рукописи пьесы: «Архангел I. Никому не дано обсуждать действия Бога».

Что задача бога человеческое «счастье» (стр<аница> 35 и др<угие>). – См. у Белова: «Архангел I. Что такое правда? Правда в блаженстве. Если человек счастлив, то в этом и правда <...> Я люблю людей, и я не хочу их гибели. Я хочу счастья для них. Счастья. Сегодня, сейчас, сию минуту, а не после. Счастья настоящего, а не будущего...»

Проблески чего-то <...> больного, сегодняшнего, есть в том, что ты писал в «Оке дельфина» – в бремени сильного и знающего правду – это суждение, по-видимому, относится к следующим словам из рассказа Белова «Око дельфина»: «Пока ты обходишься без внешней помощи, ты еще можешь считать себя мужчиной. Не беда, что мужчина, если он умен и честен, никогда не бывает счастливым» (Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – Москва: РИЦ Классика, 2011. – Т. 5. – С. 333–334).

...погавриллиадить – написать произведение в духе поэмы А.С. Пушкина «Гавриилиада», в которой пародируется евангельский сюжет Благовещение; по воспоминаниям Белова, он познакомился с этой пушкинской поэмой будучи школьником, еще до того, как прочитал «Капитанскую дочку» и «Евгения Онегина» (Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – Москва: РИЦ Классика, 2012. – Т. 7. – С. 389).

...неизвестно «от кого» мы – в пьесе «Не спи на закате» содержится намек на то, что отцом ребенка, которого носит в чреве Ева, является, возможно, не Адам, а Архангел II (сатана).

...товарища Бабеля тебе не переплунуть. – Имеется в виду рассказ И.Э. Бабеля «Иисусов грех» (1922).

...пушкинское «царствуй, лежа на боку». – Цитата из «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина; в пьесе Белова Бог, создав мир и человека, исповедует принцип свободы воли, устраняется от дел и не вмешивается в борьбу Архангелов за Адама.

«Да не застанет вас солнце в постели». – В «Поучении Владимира Мономаха» эти слова имеют смысл богопочитания и входят в следующий контекст: «Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрени воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: “Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой дивный!”» (Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. – Москва: Художественная литература, 1969. – С. 155.) Возможно, что вариант заглавия «Не спи на заре» появился на обложке рукописи пьесы после прочтения Беловым письма Палиевского.

Можно дать почитать Семанову, Кожинкову? – Сведения о том, что Семанов и Кожинков познакомились с пьесой Белова, пока не выявлено.

Семанов Сергей Николаевич (1934–2011) – историк, публицист, писатель, литературовед, один из наиболее ярких

представителей так называемой «Русской партии», возникшей как «Русский клуб» во второй половине 1960-х гг. на базе «Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры». Автор исследований о творчестве М.А. Шолохова, биографических книг о дипломате А.М. Горчакове, адмирале С.О. Макарове, генерале А.А. Брусилове, А.В. Суворове, И.В. Сталине, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропове и др. военных и политических деятелях.

Кожинков Вадим Валерианович (1930–2001) – литературовед, литературный критик и публицист, сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы им. Горького, инициатор вывода из забвения работ М.М. Бахтина, «первооткрыватель» творчества Н.М. Рубцова, автор книги «Происхождение романа» и книги о Ф.И. Тютчеве. Как Семанов и Палиевский, принадлежал к «Русской партии» и активно проповедовал характерные для нее идеи.

Отдай ее в «Новый мир», именно теперешний. – Еще один хронологический ориентир. «Теперешний “Новый мир”» для Палиевского – журнал без главного редактора А.Т. Твардовского и его ближайшего окружения. Твардовский вынужден был покинуть этот пост 9 февраля 1970 года. Вслед за ним ушли и преданные ему сотрудники.